

Елена Гусева
(Украина)

Как пережить природную катастрофу: несколько советов из мировой литературы

Художественная литература на протяжении всей своей истории повествует о дуализме природы, при котором каждая из природных стихий несет в себе и благо, и угрозу. В извечной теме «природа и человек» живительные и разрушительные стороны стихий соседствуют как относительно равноправные. В литературе катастроф природа как комфортная, уютная среда обитания человека и природа как ничем не сдерживаемая разрушительная стихия вступают в конфликт. Книги, которые пишутся в периоды стихийных бедствий, и книги, в которых повествуется о природных катаклизмах как об уже пережитом, объединяет художественный конфликт (Кормилов 2001: 392). Владимир Луков определяет конфликт в художественном произведении как «противоречие, образующее сюжет, формирующее систему образов, концепцию мира, человека и искусства, особенности жанра, выражающееся в композиции, накладывающее отпечаток на речь и способы описания героев, могущее определять специфическое воздействие произведения на человека – катарсис» (Луков 2010: 1).

Дуализм природы по отношению к человеку отражают значения слова стихия. Стихия – это явление природы, проявляющее себя как ничем не сдерживаемая сила, но в выражении «Быть в своей стихии» стихия предстает как привычная окружающая среда, привычная обстановка. Согласно греческой философии, в стихии воплощены четыре первоэлемента природы (огонь, вода, воздух, земля), что, кстати, закрепили переводы и заимствования с греческого: στοιχείο (греч.) – стихия, element, ἔλεμεντο. В литературе и искусстве символом разрушительной силы огня стало извержение вулкана Везувия в 79 году н. э. Гнев Везувия запечатлен в письмах Плиния Младшего к Тациту. Его рассказ о катастрофе, «уничтожившей прекрасный край с городами и населением их» начинается с описания облака, которое «по своей форме больше всего походило на пинию: вверх поднимался как бы высокий ствол и от него во все стороны расходились как бы ветви» (Плиний Младший 2021: 54).

Античный автор повествует, как стихия огня, земли и воды ополчилась против людей: «море: оно было по-прежнему бурным и враждебным. Суда должны были идти сквозь дождь камней и пепла». Огонь и горящий воздух становятся причиной смерти Плиния Старшего: «от густых испарений ему

перехватило дыхание и закрыло дыхательное горло» (Плиний Младший 2021: 54). Дуализму природы вторит двойственность человека. Плиний Младший пишет Тациту: «Он спешит туда, откуда другие бегут, держит прямой путь, стремится прямо в опасность и до того свободен от страха, что, уловив любое изменение в очертаниях этого страшного явления, велит отметить и записать его... У дяди один разумный довод возобладал над другим, у остальных один страх над другим страхом» (Плиний Младший 2021: 54).

У нашего современника, итальянского писателя Умберто Эко, воссоздавшего в романе «Баудолино» мифический христианский мир эпохи крестовых походов, каменная река Симбатсион – это тот же нерукотворный конгломерат стихий. Образ каменной реки соткан из метафор земли, воды и огня: «С тех самых круч... вырывался Сам-батсион: кипяток песчаника, клокотание туфа, взбрызги каменных капель, толкотня твердых тел, булькотание почвы...» (Эко 2007: 28). Враждебность живой природы символизирует мифологический образ Василиска: «Он выскочил из камня, расщепил скалу, как повествуется у Плиния. ...Василиск был изумрудно-зеленый и отливал серебром, на первый взгляд мог показаться красивым, однако все знали, что стоит ему дыхнуть, как погибнут и животные и люди» (Эко 2007: 27). Новый авторский миф, создаваемый Умберто Эко, опирается на прецедент: «Баудолино пришла в голову мысль, каким способом известить его. – Зеркало! – крикнул он Абдулу. Зеркало обратило вспять василиску убийственную мощь зора и смертное дыхание, и от этих-то двух заклятий он сам пал бездыханною жертвою» (Эко 2007: 27). Умберто Эко повторяет сюжет греческого мифа о Персее: «Скорей отвернулся Персей от горгон. Бойтся увидеть он их грозные лица – ведь один взгляд, и в камень обратится он. Взял Персей щит Афины-Паллады – как в зеркале отразились в нем горгоны» (Кун 2000: 63). Роман «Баудалино» – образец ремифологизации как явления современной культуры, в его авторский миф включены легенды античности и эпохи крестовых походов.

У Альбера Камю в романе «Чума» особое соотношение исторического и литературно-художественного. В то время как историки и публицисты ставят под сомнение достоверность реальных событий (здесь можно вспомнить о спорах, которые ведутся вокруг убедительности свидетельств Плиния Младшего о гибели Помпеи), Камю последовательно выстраивает достоверность вымышленной истории чумы. В начале романа он погружает читателя в историю природных катастроф, тем самым включая в исторический ряд природных катастроф рассказ об эпидемии чумы в городе Орানে. Для подтверждения правдивости этой истории он передоверяет повествование доктору Риэ, человеку, который «оказался замешанным во все, что намерен изложить», а затем и Жану Тарру, «записные книжки которого содержат хронику этого трудного

периода». Это и позволило ему выступить в роли историка, – пишет автор о Бернаре Риэ, еще раз подчеркивая историческую достоверность повествования (Камю 1988: 101).

Своеобразен авторский прием антитезы, которая вводит тему человека и стихии. В начале рассказа обычное, обыденное, привычное, варьируясь, утверждается как норма бытия: «обычный город, типичная французская префектура на алжирском берегу», «здесь скучают и стараются обзавестись привычками. Но есть ведь такие города и страны, где люди хотя бы временами подозревают о существовании чего-то иного». По общему мнению горожан, эти события, «были просто неуместны в данном городе, ибо некоторым образом выходили за рамки обычного» (Камю 2021: 1). Автор и сам становится историографом, подвергая документации факты и выстраивающим хронологию событий:

Шестнадцатого апреля жители признавали «факт интересным, дада, весьма интересным».

«Восемнадцатого апреля горожане проявили первые признаки беспокойства» (Камю 2021: 3). Двадцать восьмого апреля городом овладел панический страх. И горожанам «пришлось срочно пересматривать свои представления о мире». Несобственно-прямая речь «Как же могли они поверить в чуму, которая разом отменяет будущее, все поездки и споры?» сталкивает две жизненные позиции – автора рассказа и обитателей города (Камю 2021: 5). Экзистенциальный вопрос о том, что является нормой человеческого существования, по-разному решается художественной литературой. Так, старший современник Камю Ромен Роллан в начале повести «Кола Брюньон» говорит устами своего героя: «Не бывает мрачных времен, бывают мрачные люди». Автор «Чумы» как будто не противоречит ему: «Наш город благоприятствует именно приобретению привычек, следовательно, мы вправе сказать, что все к лучшему», – пишет Камю, внутренне не соглашаясь с этим выводом (Камю 2021: 1).

Литература катастроф меняет тональность темы природы, причем тональность повествования в ней определяется как самой стихией, так и эмоциональным отношением автора к описываемому стихийному бедствию. Альбер Камю называет дневник Жана Тарру «особой хроникой, словно автор заведомо поставил себе целью все умять», но и сам писатель прибегает к приему понижения стиля до буднично-обыденного, избегая «приличествующего» трагедии пафлса. Эта безусловно заданная отстраненность взгляда сообразуется с мировоззренческой установкой писателя. К традиционным методам описания эмотивных составляющих высказываний сейчас подключается автоматический анализ тональности текста. Однако и без строгого подсчета эмотивной лексики читатель романа Альбера Камю от страницы к странице погружается в холодное отчаяние чумного города.

Природный катаклизм определяет последовательность событий в художественном тексте. Как у Давида Самойлова все чувства начинаются с «однажды», так и в литературе катастроф стихийные бедствия и пандемии начинаются с «неожиданно». Неожиданно всплывет над Везувием облако, разрастаясь в небе, словно сосна. И «глядевшие издали не могли определить, над какой горой оно возникало; что это был Везувий, признали позже» (Плиний Младший 2021: 54). Неожиданно во французской провинции в городе Оране в 194.. году появляются крысы: «Утром шестнадцатого апреля доктор Бернар Риэ, выйдя из квартиры, споткнулся на лестничной площадке о дохлую крысу. Как-то не придав этому значения, он отшвырнул ее носком ботинка и спустился по лестнице» (Камю 1988: 101). Так же неожиданно в маленький французский городок Кламси, что в Бургундии, беда явилась в виде форейтора Орлеанского поезда. «Беда от нас пешком, а к нам верхом», – говорит Кола Брюньон, – Дурное семя, быстрый рост» (Роллан 1918: 9).

У Альбера Камю об эпидемии чумы рассказывает доктор Риэ. Он излагает события с той строгой объективностью и бесстрастностью, с которой только и можно нести свою службу врачу, ежедневно встречающему страдания и смерть. У Романа Роллана повествование об эпидемии чумы выдержано в иной тональности. С горьким юмором рассказывает Кола Брунион о беспомощности людей, о тщетных попытках горожан противостоять чуме и о судьбе трех городских врачей, «напяливших на себя, для отвращения заразы, длинные носы, набитые мазями, маски и очки ...мэтр Мартен Фротье, человек милый, не выдержал серьезности. Он сорвал с себя нос, заявив, что не желает заниматься ерундой и всему этому вздору не верит. Да, но от этого он помер. Правда, что мэтр Этьенн Луазо, который верил в свой нос и с ним и спал, помер точно так же. И уцелел один лишь мэтр Фильбер де Во, который, предусмотрительнее своих коллег, бросил не нос, а должность» (Роллан 1918: 9).

Литература катастроф, говоря словами Толстого, исследует, каково поведение людей, когда рушатся «все привычные отношения жизни, которым привыкли покоряться». Вот как, по описанию Плиния Младшего, действует Плиний Старший, который в то время исполнял обязанности наместника в провинциях и командовал флотом в Неаполитанском заливе: «Он обнимает струсившего, утешает его, уговаривает; желая ослабить его страх своим спокойствием, велит отнести себя в баню; вымывшись, располагается на ложе и обедает – весело или притворяясь веселым это одинаково высоко. Тем временем во многих местах из Везувия широко разлился, взметываясь кверху, огонь, особенно яркий в ночной темноте» (Плиний Младший 2021: 54). Как звук запаздывает за светом, так и человек запаздывает с реакцией на опасность. На глазах распадается окружающая среда, рушится привычный уклад, а люди по

инерции продолжают «быть в своей стихии»: «Происшествия, имевшие место весной нынешнего года, застали наших сограждан врасплох» (Камю 2021: 1).

Исторические хроники и художественная литература свидетельствуют, что во времена природных катастроф к давлению стереотипа добавляются угрозы и опасности мифические: растут и ширятся слухи, домысливаются страхи и плетутся небылицы. Но и художественная литература, и в особенности литература постмодернизма как верши-на artificial, объединяющего значения искусство и искусственное, умножает страхи, переплетая в тексте вымысел, реальность и миф. Так, в литературоведении принято говорить о сближении романа Альбера Камю с мифом – мифом о космической неизбежности зла: «Все, что человек способен выиграть в игре с чумой и с жизнью, – это знание и память» (Камю 2021: 63). В той же роли, хотя и в разной степени, выступает и антиутопия, и темное фэнтези. Фэнтези, будучи современной вершиной художественного вымысла, может, однако, воспроизводить «с исторической достоверностью» поведение людей. Так, у Джорджа Мартина, автора известной саги «Песнь льда и огня», мейстер из Цитадели повествует о лорде, который во время эпидемии закрывает город, т.е. поступает правильно, и о толпе, которая расправляется с ним, когда беда уже отступила. Такова природа человека, неизменная от времен темного средневековья и до наших дней. Но даже средневековое фэнтези Джорджа Мартина и альтернативное средневековье Умберто Эко оставляют читателю не только искры над пеплом, но и элемент надежды – надежды, помноженной на веру в человека. Продолжают свой путь пилигримы: «Мы захотели слишком многого, – подвел итог Рабби Соломон. – Но теперь уже не можем перестать хотеть» (Эко 2007: 87). И доктор Риэ из города Орана пишет историю чумы, «чтобы сказать о том, чему учит тебя и година бедствий: есть больше оснований восхищаться людьми, чем презирать их» (Камю 2021: 67).

В многовековой истории жизни, которую по-своему пишет литература, описанию природных катастроф отведено немало страниц. Литература катастроф – это повествование о том, как люди встречают природные или техногенные катастрофы, как отвечают на вызов, брошенный им природой. Действуют ли они, осознавая опасность, или прячут свой страх под маской отрицания. Но что важнее, литература аккумулирует опыт преодоления. Многие эпизоды известных книг посвящены преодолению трагических жизненных обстоятельств, будь то война или стихийные бедствия. Один из мотивов литературы о природных катастрофах – мотив выживания – становится частью жизнеутверждающего пафоса повести «Кола Брунион». Надежды ее героев связаны с живой природой, с «землей, вызывающей и устраняющей недуги». Как к последнему средству спасения заболевшей внучки Кола и его жена зывают к дрожащей

осине, царящей над полчищами диких камышей. В примитивный языческий ритуал как необходимое действие включается Слово:

Дрожи вся, дрожи сплошь,
Перейми мою дрожь.
Прошу тебя об этом
Перед целым светом.

Завершает ритуал жертвоприношение кусту боярышника: «к его ногам положили ребенка и, во имя святого терновника, помолились сыну божьему. ...с этой минуты жар спал, дыхание заструилось в хрупкой гортани, как легкий ручеек; и моя маленькая покойница, выскользнув из объятий архангела, воскресла» (Роллан 1918: 10). Так в художественной литературе древо смерти, рождающееся в пламени Везувия, о котором повествует Плиний Младший, уступает вечно зеленеющему древу жизни.

У литературы катастроф открыт конец. В эпоху стихийных бедствий и катастроф трагически обостряется проблема человека и социума, в пандемию личная свобода ограничивается, подчиняясь необходимости выживания рода. Но эпидемии и стихийные бедствия уходят. И у каждого из авторов они уходят по-разному. Доктор Риэ понимает, что хроника событий в городе Ороне не может стать историей окончательной победы. Герои Умберто Эко воспринимают превратности жизни как неизбежные вехи на пути человека. А Ромен Роллан в повести «Кола Брунион» восстанавливает неустойчивое равновесие грозной и живительной сторон природы.

Библиография:

- Эко, У. *Baudolino*. Sankt-Peterburg: izdatel'stvo "simpozium", 2007: Web. October 23, 2021 http://loveread.ec/view_global.php?id=3713 (Эко, У. *Будолоино*. Санкт-Петербург: Издательство Симпозиум (2007): Web. October 23, 2021 http://loveread.ec/view_global.php?id=3713).
- Камю, А. "Chuma". *Izbrannoe*: *Sbornik*. M.: izdatel'stvo "raduga", 1988 (Камю, А. "Чума". Избранное: Сборник. М.: издательство "raduga", 1988).
- Камю, А. *Chuma*. M.: izdatel'stvo АКТ, 2005 (Камю, А. Чума. М.: издательство АКТ. 2005: Web. October 23, 2021 <http://loveread.ec/contents.php?id=20081>).
- Kormilov, S. *Konflikt. Literaturnaya Entsiklopediya Terminov i Ponyatiy*. M.: NPK "intelbak", 2001 (Кормилов, С. *Конфликт. Литературная энциклопедия терминов и понятий*. М.: НИПК "интелбак", 2001).
- Kun, N. *Mify Drevnej Gretsii*. Sankt-Peterburg: izdatel'stvo "kristall", 2000 (Кун, Н. *Мифы Древней Греции*. Санкт-Петербург: издательство "кристалл", 2000: Web. October 23, 2021 http://loveread.ec/view_global.php?id=8287).

- Lukov, Vl. *Konflikt v Literaturnom Proizvedenii*. Informatsionnyj Gumanitarnyj Portal “Znanie. Ponimanie. Umenie”. № 5. F. 2020. Web. October 23, 2021 филология (2010): Web. October 23, 2021 http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/5/Lukov_VI/) (Луков, Вл. *Конфликт в литературном произведении*. Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 5. Ф. 2010: Web. October 23, 2021 илология (2010): Web. October 23, 2021 http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/5/Lukov_VI/).
- Pliniy Mladshiy, Gay. *Pisma Pliniya Mladshevo*. Panegirik Трапаны, 2021: Web. October 23, 2021 <https://unotices.com/book.php?id=269074&page=54>) (Плиний Младший, Гай. *Письма Плиния Младшего*. Панегирик Трапаны (2021): Web. October 23, 2021 <https://unotices.com/book.php?id=269074&page=54>).
- Rollan, R. *Kola Brunion, 1918*: https://librebook.me/colas_breugnon) (Роллан, Р. *Кола Брунион*. 1918: https://librebook.me/colas_breugnon).

Olena Gusieva
(Ukraine)

How to survive a natural disaster: some tips from world literature

Summary

Key Words: natural disaster, motive of survival, literature of catastrophes.

Literature, according to Leo Tolstoy, explores the behavior of people, when the conditions of life to which they “were accustomed to submit would be completely upset”. In the centuries-old history of life, which literature writes in its own way, many pages are devoted to the history of natural disasters. The disaster literature is a story about how people face natural or man-made catastrophes; how they react to the challenges posed by nature: whether they act out of danger or they hide their fear under the guise of denial.

Fiction throughout its history talks about the dualism of nature: each of the natural elements carries both a blessing and a threat. In the eternal theme of “nature and man”, the life-giving and destructive sides of the elements coexist as relatively equal. In the literature of catastrophes, nature as a comfortable, cozy human habitat and nature as an unrestrained destructive element come into conflict. In literature and art, the eruption of Mount Vesuvius in 79 AD became a symbol of the destructive power of fire. The wrath of Vesuvius is captured in the letters of Pliny the Younger to Tacitus. An ancient author tells how the elements of fire, earth and water took up arms against people: “the sea: it was still stormy and hostile. The ships had to go through a rain of stones and ashes”. Fire and burning air cause the death of Pliny the Elder.

The literature of catastrophes changes the tonality of the theme of nature, and the tonality of the narrative is determined both by the nature itself and by the author’s emotional attitude to the described natural disaster. Albert Camus in the

novel "The Plague" has a special ratio of historical and literary. While historians and publicists question the reliability of real events (here we can recall the disputes that are being waged around the credibility of Pliny the Younger's evidence about the death of Pompeii), Camus consistently builds the reliability of the fictitious story of the plague. At the beginning of the novel, he immerses the reader in the history of natural disasters, thereby including the story of the plague epidemic in the city of Oran in the historical series of natural disasters. To confirm the veracity of this story, he entrusts the narration to Dr. Rieux, a man who "turned out to be involved in everything he intends to set forth", and then to Jean Tarre. Albert Camus calls Jean Tarrou's diary "a special chronicle, as if the author deliberately set himself the goal of belittling everything". And the writer himself resorts to the method of lowering the style to the mundane. This defined detachment of his gaze correlates with the writer's worldview: the reader of Albert Camus's novel plunges from page to page into the cold despair of the plague city. The author becomes a historiographer, documenting facts and chronology of events. On April 16, the townspeople recognized "the fact as interesting, yes, very interesting". "On the eighteenth of April, the townspeople showed the first signs of anxiety". On April 28, panic seized the city. And they "had to urgently revise their ideas about the world".

One of the motives of disaster literature – the motive of survival – is part of the life-affirming pathos of Romain Rolland's novel "Cola Brunion". Romain Rolland's story cannot be classified as a disaster literature but this work contains some tips on how to overcome the Pandemic. "Cola Brunion" is called "an attempt to combine dream and action", and this brings to mind the book "Baudolino" by Umberto Eco. Dream and action, dream and creativity – this is what brings together the heroes of French and Italian author. Many of the episodes of their books are devoted to overcoming of tragic life circumstances, be it war or natural disasters. Umberto Eco recreated in his novel the mythical Christian world of the era of the Crusades. One of the episodes of journey to the mythical Kingdom of Prester John is about crossing the stone river (stone as a symbol of inanimate nature). The image of a stone river Symbation is woven from metaphors of earth, water and fire: "boiling water of sandstone, gurgling of tuff, splashing of stone drops, crushing of solid bodies, gurgling of soil ...". The hostility of wildlife is symbolized by the mythological image of the Basilisk. Here the author's myth is based on a precedent: in the meeting of Baudolino with the Basilisk, Eco repeats the plot of the Greek myth of Perseus.

Disaster literature is open-ended narrative. In the era of natural disasters and catastrophes, the problem of man and society is tragically exacerbated; in a pandemic, personal freedom is limited, it is subordinated to the need for survival. But epidemics and natural disasters are going away. And they leave differently for each of the authors. The existential question of what is the norm of human existence is solved in different ways by fiction. Albert Camus's older contemporary Romain Rolland at the beginning of the story "Cola Brunion" says through the lips of his hero: "There are

no dark times, there are dark people”. And the author of “The Plague” does not seem to contradict him: “Our city favors precisely the acquisition of habits, therefore, we have the right to say that everything is for the better”. But Camus, like his narrator Dr. Rieux, understands that the chronicle of events in the city of Oran cannot become the story of the final victory. The heroes of Umberto Eco perceive the vicissitudes of life as inevitable milestones on the path of man. And Romain Rolland in the story “Cola Brunion” restores the unstable balance of the formidable and life-giving sides of nature. The hopes of his heroes are connected with the animate nature, with “the land, which induces and removes ailments”.

ოლენა გუსევა (უკრაინა)

როგორ გადაფურჩეთ სტიქიას: რამდენიმე რჩევა მსოფლიო ლიტერატურიდან

რეზიუმე

საკვანძო სიტყვები: სტიქიური უბედურებები, გადარჩენის მოტივი, კატასტროფების ლიტერატურა.

ლიტერატურა, ლევ ტოლსტოის მიხედვით, იკვლევს ადამიანების ქცევას, „როდესაც ცხოვრების პირობები, რომელთა მორჩილებასაც ისინი მიჩვეულნი იყვნენ, სრულიად ირღვევა“. კაცობრიობის მრავალსაუკუნოვან ისტორიაში, რომელსაც ლიტერატურა თავისებურად აღწერს, მრავალი გვერდი ეთმობა სტიქიური უბედურებების ისტორიას. კატასტროფების ლიტერატურა არის ამბავი იმის შესახებ, თუ როგორ აწყდებიან ადამიანები ბუნებრივ ან ადამიანურ კატასტროფებს; როგორ რეაგირებენ ისინი ბუნების მიერ წარმოქმნილ გამოწვევებზე: ამკარად მოქმედებენ საფრთხის წინააღმდეგ თუ საკუთარ შიშს უარყოფის ნიღბის ქვეშ მალავენ.

მხატვრული ლიტერატურა, მთელი თავისი ისტორიის მანძილზე, საუბრობს ბუნების დუალიზმზე: ბუნების თითოეული სტიქია საკუთარ თავში მოიცავს როგორც სიკეთეს, ასევე საფრთხეს. მარადიულ თემაში – „ბუნება და ადამიანი“ – სტიქიის მაცოცხლებელი და დამანგრეველი მხარეების თანაარსებობა თითქმის თანაბარია. კატასტროფების ლიტერატურაში ბუნება, როგორც ადამიანის მყუდრო, კომფორტული სამყოფელი და როგორც შეუკავებელი, დესტრუქციული ელემენტი, ერთმანეთს ეწინააღმდეგება. ჩვენი წელთაღრიცხვის 79 წელს, ვეზუვის ამოფრქვევა ლიტერატურასა და ხელოვნებაში ცეცხლის დამანგრეველი ძალის სიმბოლოდ იქცა. ვეზუვიუსის რისხვა აღწერილია პლინიუს

უმცროსის მიერ ტაციტუსისადმი მიწერილ წერილებში. უძველესი ავტორი მოგვითხრობს, თუ როგორ აღდგენენ ცეცხლის, მიწისა და წყლის სტიქიები ხალხის წინააღმდეგ: „ზღვა: ის ჯერ კიდევ ბობოქარი და მტრული იყო. გემებს ქვებისა და ფერფლის წვიმაში მოუხდათ გავლა.“ ცეცხლი და გავარვარებული ჰაერი გახდა პლინიუს უფროსის სიკვდილის მიზეზი.

კატასტროფების ლიტერატურაში ბუნების თემის ტონალობა იცვლება, თხრობის ტონალობა კი განისაზღვრება როგორც თავად ბუნების მოვლენით, ასევე ავტორის ემოციური დამოკიდებულებით აღწერილი სტიქიისადმი. ალბერ კამიუს, რომანში „შავი ჭირი“, ისტორიულისა და ლიტერატურულის განსაკუთრებული თანაფარდობა აქვს მოცემული. მაშინ, როდესაც ისტორიკოსები და პუბლიცისტები ეჭვქვეშ აყენებენ რეალური მოვლენების სანდოობას (აქ შეგვიძლია გავიხსენოთ კამათი, რომელიც წარმოიშვა პომპეუსის სიკვდილის შესახებ პლინიუს უმცროსის მტკიცებულებების სანდოობის გამო), კამიუ თანმიმდევრულად აგებს ჭირის თემაზე საკუთარი გამოგონილი ისტორიის რეალურობას. რომანის დასაწყისში ის მკითხველს სტიქიურ მოვლენათა ისტორიას აცნობს, რომლის მიხედვით, ქალაქ ორანში ჭირის ეპიდემიის არსებობა სტიქიური უბედურებების ისტორიული სერიის შემადგენელი ნაწილია. ამბის რეალურობა რომ დაადასტუროს, მწერალი თხრობას ანდობს დოქტორ რიეს, ადამიანს, რომელიც, „როგორც აღმოჩნდა, იმ ყველაფრის მონაწილე იყო, რის მოყოლასაც აპირებდა“. შემდეგ კი ამბავს აგრძელებს ჟან ტარუ. ალბერ კამიუ ჟან ტარუს დღიურს უწოდებს „განსაკუთრებულ ქრონიკას, თითქოს ავტორმა მიზანმიმართულად დაუსახა თავს ყველაფრის დაკნინება“. თავად მწერალი კი თხრობის ყოველდღიურ, ყოფით ამბებზე დაყვანის მეთოდს მიმართავს. გარკვეულწილად, მწერლის ხედვის ასეთი ჩამოშორება კორელაციაშია მის მსოფლმხედველობასთან: ალბერ კამიუს რომანის მკითხველი თანდათან იძირება ჭირით დაავადებული ქალაქის ცივ სასონარკვეთილებში. ავტორი ისტორიოგრაფად იქცევა, რომელიც ფაქტებისა და მოვლენების ქრონოლოგიას აფიქსირებს. 16 აპრილს ქალაქელებმა „ფაქტი საინტერესოდ აღიარეს, დიახ, ძალიან საინტერესოდ“. „18 აპრილს ქალაქელებმა შფოთვის პირველი ნიშნები გამოავლინეს“; 28 აპრილს ქალაქი პანიკამ მოიცვა, და მათ მოუხდათ „სასწრაფოდ გადაეხედათ სამყაროს შესახებ თავიანთი წარმოდგენებისათვის“.

კატასტროფების ლიტერატურისათვის დამახასიათებელი გადარჩენის მოტივი ასევე არის რომენ როლანის ოპტიმისტური რომანის „კოლა ბრუნიონის“ პათოსის ნაწილი. რომენ როლანის თხრობას კატასტროფის ლიტერატურას ვერ მივაკუთვნებთ, მაგრამ ეს ნაწარმოები შეიცავს რამდენიმე რჩევას, თუ როგორ დაძლიოთ პანდემია. „კოლა ბრუნიონს“ უწოდებენ „ოცნებისა და მოქმედების შერწყმის მცდელობას“; ეს კი

გვახსენებს უმბერტო ეკოს წიგნს „ბაუდოლინო“. ოცნება და მოქმედება, ოცნება და შემოქმედება – ეს არის ის, რაც ფრანგი და იტალიელი მწერლების გმირებს აერთიანებთ. მათი წიგნების მრავალი ეპიზოდი ეძღვნება ტრაგიკული ცხოვრებისეული გარემოებების დაძლევას, იქნება ეს ომი თუ სტიქიური უბედურებები. უმბერტო ეკომ თავის რომანში ჯვაროსნული ლაშქრობების ეპოქის მითიური ქრისტიანული სამყარო აღადგინა. მითოსურ სამეფოში პრესვიტერ იოანეს მოგზაურობის ერთ-ერთი ეპიზოდი ქვის მდინარის გადალახვას უკავშირდება (ქვა უსულო ბუნების სიმბოლოა). ქვის მდინარის სახება მინის, წყლისა და ცეცხლის მეტაფორებით არის ნაქსოვი: „ქვიშის მდულარე წყალი, ტუფის ბუყბუყი, ქვის წვეთების წინწკლები, მყარი სხეულების დამსხვრევა, ნიადაგის თუხთუხი“. მტრულად განწყობილი ველური ბუნება მითოლოგიური ვასილისკოს სიმბოლოა. აქ ავტორისეული მითი პრეცედენტს ეფუძნება: ბაუდოლინოს ვასილისკოსთან შეხვედრის ეპიზოდით ეკო იმეორებს ბერძნული მითს პერსევსის შესახებ.

კატასტროფის ლიტერატურა არის თხრობა ღია დასასრულით. სტიქიური უბედურებებისა და კატასტროფების ეპოქაში ტრაგიკულად მწვავდება ადამიანისა და საზოგადოების პრობლემა; პანდემიის დროს პირადი თავისუფლება შეზღუდულია და გადარჩენის საჭიროებას ექვემდებარება. მაგრამ ეპიდემიები და სტიქიური უბედურებები უკან იხევენ. ისინი თითოეულ ავტორთან განსხვავებულად მიდიან. ეგზისტენციალური საკითხი იმის შესახებ, თუ რა არის ადამიანის არსებობის ნორმა, განსხვავებულად არის ახსნილი მხატვრული ლიტერატურის მიერ. ალბერ კამიუს უფროსი თანამედროვე, რომან როლანი, „კოლა ბრუნინონის“ დასაწყისში თავისი გმირის პირით ამბობს: „არ არსებობს ბნელი დრო, არიან ბნელი ადამიანები“. და როგორც ჩანს, „შავი ჭირის“ ავტორი არ ეწინააღმდეგება მას: „ჩვენი ქალაქი სწორედ ჩვევების შექმნას ემხრობა, ამიტომ უფლება გვაქვს, ვთქვათ, რომ ყველაფერი უკეთესობისკენ არის“. მაგრამ კამიუს, ისევე როგორც მის მთხრობელ დოქტორ რიეს, ესმის, რომ ქალაქ ორანში მომხდარი მოვლენების ქრონიკა არ შეიძლება გახდეს საბოლოო გამარჯვების ამბავი. უმბერტო ეკოს გმირები აღიქვამენ ცხოვრების პერიპეტეიებს, როგორც გარდაუვალ ეტაპებს ადამიანის გზაზე. ხოლო რომენ როლანი, რომანში „კოლა ბრუნინონი“, აღადგენს ბუნების მრისხანე და ცხოველმყოფელ მხარეებს შორის არსებულ მყიფე წონასწორობას. მისი გმირების იმედები დაკავშირებულია ცოცხალ ბუნებასთან, „მინასთან, რომელიც ინვეს და გვაშორებს სნეულებებს“.